

Михаил Фридман

СТАЛЬНОЙ СЕРДЕЧНИК

Распредмеченные ценности и смыслы

Москва
2011

УДК 82
ББК 84

Фридман М.Ф. Стальной сердечник:
Распредмеченные ценности и смыслы. –
М, 2011. – 32 с.

В оформлении обложки использованы
картины работы художника
Раисы Арефьевой /www.artraisa.ru/

На титульном листе использован рисунок
Татьяны Бондаревой в чёрно-белой версии.

Оформление дизайнера **Андрея Беспалова**

© **Фридман М.Ф.**, 2011
© **Арефьева Р.Д.**, 2011
© **Бондарева Т.**, 2011
© **Беспалов А.**, 2011

Подписано в печать 01.09.2011 г. Формат 70x100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Не хватает одухотворённых
Глаз, обескураженных умом.
В хищном бессознательном моём
Всё впервой – нет тропок проторённых.

Изгоняет бесов корвалол,
Боль в груди набатит колокольно.
Сильные – не те, кому небожно.
Сквозь кардиографный частокол

Лезет ощущение свободы.
Малое становится большим
При сокодвижении души –
О минутах счастья грезишь годы.

Вера – спиритический сеанс!
Об одном не умолкают души:
Алкаши, наркоши да чинуши
Возрождают новый Ренессанс.

Ощущение, что всё неважно
Даст в настройках социальных сбой.
Я сдаюсь себе, борясь с собой:
Честные – не те, кому нестрашно.

Жизнь пришла в пустыню вещей снов,
Где камлают над мечтами тени,
И в экстазе бьются сновиденья,
Глядя на фантомы колдунов.

Архетипы тянут жребий мой.
Память спиритических сеансов
Гонит страхи. Страшное “Останься”
Не даёт мне повернуть домой.

Не пойму: везде или нигде я.
Интуиция глядит в таро.
Рассмотреть бы в данности добро –
Вот моя сверхценная идея!

Предсказания творят судьбу.
Жизнь – в стеклянном шаре, небо – в яме.
Это сложно объяснить словами –
У людей на истину табу.

Поработать, чтобы отдохнуть.
Отдохнуть, чтоб снова поработать.
Путь по кругу – самый долгий путь,
Где подать рукой до дня, где подать.

Быть успешным – значит, успевать,
Ведь успех – кратчайший путь до смерти.
На ладони всё, как на мольберте –
Жизнь точнее не нарисовать.

О, обыкновенный человек!
Не глумись над тем, чего не знаешь!
О, Иаков! Ты не из калек,
Встал не с той ноги – вот и хромаешь.

Я каликой переходим жду,
Что меня Господь возьмёт на небо,
И пишу-пашу не за еду,
Хоть трудящийся достоин хлеба.

Я ищу в необъяснимом суть,
Органом познания выбрав ноги,
Чтоб, хоть что-то выяснив о Боге,
От себя немного отдохнуть.

Ты веришь в то, что жизнь ещё начнётся,
Что это демо-версия. Взгляни,
Проходит жизнь, пролистывая дни,
Расплёскивая радуго эмоций.

Не репетиция, не тренажёр:
Такая – будто выдумана спьяну.
В ней резвый конь крадёт себе цыгана,
Над тишиной колдует дирижёр.

От всех болезней средство –
 водка с перцем:
Без панацей заморских – всё как встарь:
И та же чернь вокруг, и тот же царь.
Мы голосуем печению – не сердцем!

Живём не на “аминь”, а на “авось”:
Ни притязаний нет, ни предпочтений,
И кто, скажи теперь мне, тут не гений?
Кому гонимым быть не довелось?

По цвету глаз, волос и даже кожи,
По форме носа и по именам
Мы выделяем тех, кто ближе нам,
Ведь кто на нас похож, тот нам дороже.

А сколько утекло нас, помнит лёд.
Сегодняшний – он был водой вчерашней.
И архитектор Вавилонской башни
Сегодня улицу мою метёт.

У истины – ни родины, ни дома.
Мы, грешные, живём один лишь раз.
Нам невозможно выжить по-другому,
Поэтому не жди – живи сейчас!

Живу в блокноте: в чертежах стихов,
В безумных планах с мудрыми мечтами.
Блокнот меня сжимает в оригами,
И агнцем я бегу от пастухов.

Я помню про заблудшую овцу,
Но плеер у меня в ушах камлает,
И я один, кто слышит, то есть знает
Про то, о чём печалится Творцу.

Внимая, вывожу в блокноте Слово –
Моя ладонь идёт своим путём,
Живёт своею жизнью – что ж такого?
Бог грезит обо мне, а я о нём.

В этом сердце не живёт душа.
Жизнь – противоядие к бессмертью.
Два желудочка да два предсердия
Время пролистают не спеша.

Аутист, сморённый комой смерти,
Небу предпочёл земную твердь.
Одиночество впадает в смерть –
Сказка о смешном судмедэксперте.

Я хотел тебя поцеловать –
Не в уста безмолвные, а в устье,
Отыскав на карте захолустья
Пристань, где покой и благодать.

От тоски тревожно ноет сердце,
Колет: в нём ворочается ёж.
Знаю: не простишь и не поймёшь.
Щупаю эфир за мегагерцы.

И беснуюсь, миокард круша –
Можно ли из пата выйти с честью?
Пусть охапку, горсть, щепотку счастья
Контрабандой пронесёт душа.

Я слежу за временем – подсолнух.
Ты меня с обложки оживи:
Утопая в омуте любви,
Насмерть захлебнусь в радиоволнах.

Я стараюсь возмущаться молча,
Видя всю несправедливость дня.
Созревает ягодою волчьей
Видимое в сердце у меня.

Не напьюсь, а окунусь в забвенье,
Не заплачу – выпущу печаль
И, увидев Бога на мгновенье,
Пристально в упор уставлюсь вдаль.

Где-то там гадают ночь на звёздах,
И волну преследует волна,
И стрекочет полуночный воздух,
Понимая: грусть на всех одна.

Я зажмурюсь и вздохну украдкой –
Никому мой норев не понять.
Сколько в горькой жизни боли сладкой!
Стоит ли на зеркало пенять?

Прошлое – грядущему помеха,
Между нами пропасть: через миг
Я с тобою тут оставлю эхо,
А с собой возьму свой первый крик.

Стольный град – разбавленный раствор:
Никому ни до кого нет дела.
Честь прокисла, совесть заржавела,
Зависть, скалясь, целится в упор.

Столько храмов – ни одной святыни,
Столько правил – а Закона нет.
Тут у всех на всё один ответ,
Да такой, который сердце вынет.

С тем, кто знает, спорить тяжело.
Как быть искренним – и не обидеть?
Я отдал бы всё за дар – не видеть
Это неразбавленное зло.

Хитрость – психотропное оружие,
Самого себя не обмануть.
Удивительно, как долог путь
К пониманию Добра и Дружбы.

День отъезда нестерпимо горек:
Время проглотило навсегда.
Память – неменяемый историк –
Делит жизнь на годы-города.

Я живу вчерашними мечтами,
В сновидениях орлом паря.
Память – это алчущее пламя,
К слабостям крадущееся зря.

Счастье – это странное богатство:
Не во всех алмазах – бриллиант.
В искренности смысл хулиганства –
На способности менять талант.

Соревнуемся с мечтой на дальность,
С волей состязаемся в борьбе.
Одиночеством за уникальность
Гений платит самому себе.

Подарками захламлена квартира,
А книги – в построенье на плацу,
И на окне завяла Роза мира.
И мне печаль давно уже к лицу.

Один! Всю жизнь и в каждое мгновенье!
Себя пытаю и клянусь терпи!
Рукопожатье – способ сочлененья
И способ замыкания цепи.

Не каждому, кто тянет руку – верю,
Не каждого, кого обнял – люблю –
Перед безликим миром лицемерю:
Себя пытаю и себя терплю.

Стою над лункою в бездонной яме.
Твои глаза нужны, чтоб в них смотреть
И видеть то, о чём молчат с друзьями,
И верить в то, чего не будет впредь.

Люди – главный враг для человека!
Люди против каждого из нас!
Конформист несчастней, чем калека –
Лучше уж без ног или без глаз.

Человек приносит в жертву совесть,
Он меняет совесть на мораль.
Он поэму извращает в повесть,
Перекручивая жизнь-спираль.

Кто диктует мысли и поступки?
Кто нам навязал свои долги?
Кто вручает нам пустые кубки?
Кто нам форматирует мозги?

Мне запрещено мечтать о чуде.
Коротаю свой недолгий век
Не один: повсюду люди – люди! –
Как несчастен с ними человек!

Когда мы обнимаемся с тобой,
Я не способен разомкнуть объятия:
Мы подписались под одной печатью,
Мы подвизались под одной судьбой.

Я не решил пока, как дальше жить –
Сиамским близнецам мешает пропасть:
Не глупый страх – расчётливая робость,
Которой эту грусть не сокрушить.

Нас разделяют горы и моря,
Но я твои объятия ощущаю.
Твой карий взгляд надежда освещает
Плодоносящим солнцем сентября.

В Москве я слышу всё: морской прибой,
Крик чаек, треск цикад – сюжет для песни!
Зажмурюсь и вздохну, и жизнь воскреснет,
Когда в Москве обнимемся с тобой.

Совершенство – это горизонт:
Видят все, а ты дойти попробуй!
Идеал – ориентир особый –
Где же скальпель, шприц, зажим и зонд?

К совершенству тянется душа,
Из земли зерно стремится к небу –
Биография колосьев хлеба.
Жизнь проходит, душу потроша.

На лопатки уложить мечту
В силах только беспристрастный опыт.
Звонкой песней завершится ропот –
Смерть приходит к музе налету.

Распустился разноцветный зонт –
Дождь пуляет капли в бабье лето.
Я дойду в обход до края света
И настигну этот горизонт!

Не знаю, почему, а жить на свете трудно.
Играю на печаль в ночное домино.
И звёзды светят так, как будто многолюдно
В бездонной вышине, где всё предрешено.

Они смеются так, как будто им известно,
Зачем на них смотрю

во все глаза сквозь плач.

Грудная клетка –

в ней душе смертельно тесно –

О, как двулична смерть,

и как безлик палач!

Безудержная грусть висит на мягком нёбе,
И слёзы через край наполнили сосуд,
И я целую ночь, а у неё в утробе
Рождаются слова и строчками растут.

Высокая печаль! Попробуй дотянуться,

Поднявшись на мыски, а лучше –

взмыв в прыжке.

Нет правды на земле, есть истина –

на блюде!

Смотреть – смотри: не тронь –

ударят по руке!

Моя душа, замученная мной –
Узнать бы, на кого теперь похожа.
Она была и краше и моложе,
Пока торчали крылья за спиной.

Давно я с ней не виделся, давно
Она мне колыбельную не пела.
За этот срок поистаскалось тело,
Которое ей мной присуждено.

Сомнениями я травил её
И компромиссами ломал ей крылья,
Она рвалась из грубых лап насилия,
Я скармливал ей подлости гнильё.

Согбенна, строчки ёрзают по лбу,
В ладонях тремор – дрожь от Паркинсона.
– Я узнаю тебя, моя мадонна!
Не отворачивайся – я в гробу!

Вероятно, в человеке мало
Точных красок, линий, рифм и нот.
Человек боится идеала
И всю жизнь в полголоса живёт.

Ничего вокруг не замечая,
Превращает завтра во вчера,
И его не злит, а огорчает
Неизбежность смертного одра.

В биопсихосоциодуховном
Существо бдит первобытный страх.
В паутине сердца бьётся ровно
Обращающее чувства в прах.

Равенство – иллюзия убогих!
Гуманизм – настольная игра!
В поддавки проигрывают боги
Призрачной свободы и добра.

Во мне живут два разных человека:
Один священник, а другой солдат.
Один читает Канта и Сенеку,
Другой – всегда щетинист и поддат.

Один другому ставит ультиматум,
Изящною словесностью дразня.
Другой его за это кроет матом –
Их вечный спор совсем извёл меня.

Кто виноват? Что делать? Я не знаю.
Мне одному не справиться с двумя.
Напьюсь до апокалипсиса сна я
И жребий бро... нет, положу плашмя.

Ничто не лечит, как библиотека!
Отчаянье – не каторжный ли труд?
Во мне живут два разных человека –
Смешно: они меня переживут.

Мне холодно, горько и страшно.
Мне нечего больше терять.
Ах, если бы знал Я-вчерашний,
Что всё повторится опять.

Я плачу, канючу и ною –
Никто не утешит меня,
Никто не поплачет со мною,
И ты не решишься обнять.

Иду по знакомой дороге,
Встречая знакомых людей,
Оскалившись, кланяюсь многим –
Нет, не благодетель – злодей!

Моя Вавилонская башня
Сгорит в первородном огне.
Проснётся печалью вчерашней
Сегодняшний голос во мне?

Покой твой смущать не посмею,
До встречи просохнут глаза.
Чем дольше, тем душу сильнее
Вернуть и вернуться назад.

Не важно, ах, как же не важно
Тебе, что в разлуке загнусь.
Мне холодно, горько и страшно.
Мне страшно, но я не боюсь!

Хочу вздохнуть, а сердце не даёт,
А переубедить его я трушу.
Мне кажется, что настанет черед,
Когда я сам свою увижу душу.

Увижу, кто размешивает сны,
В которых мой хранитель –
 в высшем ранге.
Моя душа! Прекрасная как ангел!
Я ангелов не видел – вдруг страшны?

Красивые ль у Бога почтальоны?
Коль по вестям судить, то не всегда.
Чудовище в лохмотьях Сандрильоны,
Мутант или погасшая звезда?

Представиться душою может каждый –
Все: шизофреник, ведьма и алкаш.
И вера в Бога перейдёт в мондраж:
В один и тот же сон не входят дважды.

Пульсирует. Так рвётся дух из жил.
Не упокоит душу твердь земная.
Приму любую – раз уж заслужил,
По крику интуиции узнаю.

Я вижу ложь, я верю ей – не врёт.
Хочу вздохнуть, а сердце не даёт.

Жизнь сложилась как сложилась –
Поздно врать и унывать.
Что решилось, то решилось –
Не воротишь глупость вспять.

Кто искал, тому досталось.
Кто мечтал, тому сбылось,
И приятная усталость
Останавливает ось.

Останавливает время,
Смерть на паузы дробя,
Чтоб продолжить жить со всеми
Дальше – только без тебя.

И такое будет с каждым.
И когда я отсмеюсь,
Смерть придёт за мной однажды,
Чтоб услышать: “Я сдаюсь”

И хвалите, и ругайте,
Если есть, за что, друзья!
Только правдой не пугайте –
Мне ль не знать о том, кто я.

От себя не отрекаюсь –
Никогда не отрекусь.
Я не каюсь, я не каюсь –
Я безропотно сдаюсь.

Говорите мне, живому,
Всё, как есть: хорош ли, плох...
Не способен по-другому
Сам с собой справляться бог!

Не до Пушкиных и Фетов!
На вопрос: “Который час?” –
Нету правильных ответов
Ни у одного из вас.

Останавливаю время
И смотрю, смотрю на Русь,
Признаваясь перед всеми:
“Я не каюсь – я сдаюсь!”

Сколько в жизни глупых испытаний!
Сею глупость – возвращаю ум.
В жизни, полной прилипал-пираний,
Время выживает наобум.

Сколько на ладони тщетных линий:
Все – без двух – ни сердцу, ни уму,
Но когда я выйду из пустыни
Я ладонь Всевышнему пожму.

Хотя бы раз поддаться искушению,
Переступить запретную черту
И променять покой на суету,
И испытать экстаз, приняв решение.

Хотя бы раз осознанно солгать –
Не просто так, а выгодно, с процентами.
Наполнить жизнь свою экспериментами,
Раскаяться и согрешить опять.

Хотя бы раз, хотя бы на мгновение
Почувствовать тебя в своих руках,
Увидеть, как дерутся страсть и страх,
И сделать выбор в пользу искушения.

Хотя бы раз доделать до конца
Задуманное вскользь воображением
И удивить себя своим решением,
И разглядеть в самом себе глупца.

Поэзия – ты бесполезный дар!
Красивое в тебе сильнее пустого!
Талантлив тот, кто может мучить слово
И загрести двумя руками жар.

Поэзия – дух сладострастной муки,
Пронзающей живые стебли душ.
Делю слова на смыслы и на звуки,
А небо смотрит на себя из луж.

Душа попала в сети вдохновенья.
Смущаясь, обнажаются слова,
И свет встаёт над раненою тенью:
Повержена, слаба, но не мертва.

Поэзия! Откуда ты? Отсюда ль,
Где в лужах разглядела Калипсо
По-русски бесшабашную дурь-удаль
И по-еврейски грустное лицо?

Кто безвреден, тот и бесполезен,
Тот не служит ни добру, ни злу,
Видит всё, но никуда не лезет,
Успевая всякий раз к столу.

Он хитёр: не вынуждает совесть,
И она не мучает его.
Данностью ему любая новость,
Скукою – любое волшебство.

Ни на чём не видно отпечатков
Сеятеля сорного былья.
Это человек без недостатков.
Разувериться б, что это я.

Создать ячейку общества
Как хочет государство,
Скрестив с еврейским отчеством
Дух русского бунтарства.

Продать детей Отечеству
За право быть любимым
В отместку человечеству
За то, что нелюдимо.

Нравиться – это большая наука:
Разных людей на себя примерять.
Всех обрести, чтоб себя потерять.
Шесть миллиардов – все жмут твою руку.

Каждый – по-разному: вот безрассудство –
Каждому хочется быть лучше всех,
Чтоб спровоцировать тысячи “Эх!”
Нравиться – это большое искусство.

Разные прелести нравятся нам,
Каждый – стратег в этом деле и тактик.
Это одна из мистических практик –
Нравиться. Верить ли грёзам и снам?

Верить! Не выйдут из моды вериги!
Каждый мечтает, кому неслабо.
Нравиться – это одна из религий:
Каждая женщина – маленький бог.

Маленький дьявол и маленький бог!

Я алхимик, или ятрохимик:
Жизнь – лаборатория моя.
Я способен разделить с глухими
Грустное бельканто соловья.

Отыскал свой философский камень,
Эликсир бессмертной жизни пью,
Проклиная лучшими стихами
В трансе кислородину свою.

Мне ль не знать природу тайных знаков?
Мне ль грядущее не видеть в снах?
У счастливых жребий одинаков.
Бог таков, каков его монах!

Я не знаю, как дойти до цели,
Обходя слепых поводырей,
И прожить свой путь на самом деле –
Поподробнее и побыстрее.

Грусть! Ты жнец минувших наслаждений!
Нить моей судьбы в твоих руках.
Утонул в твоих объятьях гений.
В них отчаянье сильнее, чем страх.

Посевная: в лютое ненастье
Он стихи разбрасывал – смешно:
Ветроопыляемое счастье –
Сеять сотни, чтоб взошло одно.

Хаос Бог построил не по СНИПам,
Каждому определив маршрут.
Методы ведут к стереотипам,
Страхи к уникальности ведут.

Эту грусть с другой не перепутать:
У неё свой собственный позор –
Злится на себя и почему-то
Целит в мир из карих амбразур.

Я знаю, что не прав – от этого не легче.
Хотел тебе сказать, да растерял слова.
Крылатая печаль отчаянья не лечит –
Душа в силках мечты надеждою жива.

Молчания напьюсь,
грусть – оборотным зельем
Разделит существо на дух и вещество,
И я уйду в запой,
чтоб справиться с похмельем
И в хаосе создать весь мир из ничего.

Огонь слепых страстей разлука
не потушит –
Нет, я на нём сгорю: меня мечты сожгут.
Воспоминания двумя руками душат:
Ты слишком далеко и вроде где-то тут.

Я чувствую тебя, как будто бы ты рядом.
Креплёная тоска сильнее любых отрав.
Единственная жизнь
мне стала долгим ядом:
Мне страшно не любить,
а знать, что я неправ.

Ну, не мучай ты меня, не мучай!
Что с тобой, что без тебя – тупик!
Проклинаю тот счастливый случай,
Что всю жизнь перевернул за миг.

Быть с тобою – это так непросто,
Без тебя – и вовсе тяжело.
Хуже девиантного подростка
Поступаю сам себе назло.

Ты не любишь, ты не знаешь даже,
Что я взял в заложники мечту,
Потерял и рад своей пропаже –
Расколюсь блокнотному листу.

Исповедуюсь в стихах, раскаюсь,
Снова вдохновения займу,
Мысленно с тобою попрощаюсь –
Наяву безмолвно обниму.

Как я счастлив – самый невезучий.
Ай да Фридман, ай да сукин... – ай!
Ну, не мучай ты меня, не мучай –
Обними и впредь не отпускай!

Может, в жизни что-то не сложилось,
Может быть, не всё понятно мне.
Проигравшему сдаюсь на милость –
Истина – в не выпитом вине!

Я напьюсь вина – мне будет кисло
Наблюдать, чем этот мир набит.
В этой жизни нет иного смысла,
Чем наполнить смыслом каждый бит.

Я исчезну – захлебнусь печалью
В омуте бликующих зрачков,
Заколю себя дамасской сталью,
Вырублю нокаутом Кличко.

Раскури, кальянщик! Больше дыма!
Я вдохну его, неудержим.
В белой дымке сон промчится мимо,
И в подкорке востепенётся джинн.

Если кто-то думает, что понял,
В чём причина этих грустных строк,
Тот пускай рассмотрит на ладони
То, что знают двое: я и Бог.

Облетают у мечты хотелки,
Мир по кругу движется вперёд,
С нетерпением секундной стрелки
Жизнь следит за тем, как жизнь идёт.